

Мариэм Гвасалия

Хранитель

18+

Мариам Гвасалия

Хранитель

<https://litres.ru/73981821>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тысячи людей прошли через его наушники, но один голос заставил его нарушить главное правило: не вмешиваться. Даже если объект стоит перед лицом смерти.

Матео ван дер Берг - «ангел-хранитель». За этой красивой вывеской скрывается работа в тотальной системе слежки: серые стены, наушники, протоколы и голоса. Его работа - слушать, фиксировать и никогда не вмешиваться. За два года он уничтожил дюжину жизней, даже не моргнув глазом, и ни разу не задал себе вопрос: «А имею ли я на это право?»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

61

Мариам Гвасалия

Хранитель

Все персонажи и описываемые события являются вымышленными! Любое совпадение с реальными людьми и событиями - случайно.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исландия, ноябрь 2030 года

Меня зовут Матео ван дер Берг. Я учил людей не доверять тишине, не доверять звонкам от незнакомцев, не доверять приложению погоды, которое запрашивает доступ к геолокации. Я был одним из тех, кого в народе называют «ангелами-хранителями», хотя ангельское в нас ровно одно: мы невидимы, пока не свершится приговор.

На самом деле мы колл-центр. Только вместо «*чем я могу вам помочь?*» - «*объект под наблюдением, статус не изменился*». Вместо скриптов продаж - протоколы аномалий. Вместо перерыва на кофе - смена наушников, потому что предыдущий пропитался чужим потом и чужими слезами, которые ты не имеешь права вытереть.

Я работал в этой системе ровно семьсот двадцать три дня. С первого дня, когда грязный ангар на окраине превратили в серверную, а десять аналитиков сели за столы, которых ни-

кто не мыл до нас. Нас собрали быстро, научили ещё быстрее. Главное правило выучили мгновенно: *«Не вмешиваться. Наблюдать. Фиксировать. Даже если объект стоит перед жизнью и смертью».*

Тысяча двести восемнадцать объектов прошло через мои наушники. Я вычислил двенадцать шпионов, помог сломать семерых блогеров, которые слишком громко кричали о свободе. Я слушал, как мужчины изменяют жёнам, как женщины рыдают в подушку, как подростки обсуждают взрывчатку на форумах, и ни разу я не задал себе вопрос: *«А имею ли я на это право?»*

Пока 15 сентября 2030 года мне не назначили объект под кодовым именем *«Сирена».*

Девушка. Двадцать шесть лет. Дочь нефтяного миллиардера. Любовница человека, которого мои заказчики называли *«угрозой национальной безопасности».* Обычная работа, на первый взгляд: тридцать дней прослушки, анализ коммуникаций, фиксация странностей. Они хотели найти компромат на мафию. Они не ожидали, что я найду её.

Странности я зафиксировал действительно... но не те...

Почему девушка, которую бьют, не плачет, а наполняет ванну и включает самую громкую песню в мире? Почему она отучилась в Йеле на биохакинге¹, но работает ассистенткой

¹ **Биохакинг** - это система практик и технологий, направленных на улучшение физического и ментального состояния человека через индивидуальный подход и контроль биологических процессов.

в компании своего учителя? Почему в её разговорах с отцом - математическая шифровка, которая не подходит ни под один алгоритм спецслужб?

Я должен был просто доложить, написать: *«Объект демонстрирует нестабильное поведение, рекомендовано усилить наблюдение»*. Я должен был оставаться невидимым.

Вместо этого я влюбился...

Вы скажете, как можно влюбиться в голос из динамика, в чужую привычку читать научные статьи в три ночи, в смех, который она прячет от всех, включая парня? Не знаю. Но тот, кто работал в системе хотя бы месяц, поймёт: нет интимнее отношений, чем между агентом и объектом. Ты знаешь, как он дышит во сне. Ты знаешь, какую музыку он включает, когда ему больно. Ты знаешь его настоящего, того, кого не видят друзья и любовники.

Я знал её настоящую за неделю до того, как увидел живую.

Это предисловие не оправдание. Я нарушил каждое правило, включая то, за которое полагается пуля в затылок без суда. Я исчез из системы, помог ей сбежать от человека, который называл себя её защитником. Я предал страну, которой служил семь лет.

Но знаете что?

Когда она вставала с больничной койки после операции - бледная, с дрожащими руками, с разрезом от затылка до поясницы и улыбнулась мне, я понял: **ангелы-хранители**

не должны быть тюремщиками.

Это книга о том, как я перестал быть ангелом и начал быть человеком.

Матео ван дер Берг

Рейкьявик, ноябрь 2030 года

Записываю вручную, без диктофона. В первый раз за два года.

ГЛАВА 1

15 сентября 2030 года, 08:42

Штаб-квартира «Ангелов-хранителей»,

сектор 7, уровень доступа «Омега»

Страна: Верия, столица: Аствик

Матео ван дер Берг не помнил, когда в последний раз видел солнце.

Это была не метафора. Семьсот двадцать третий день подряд он заходил в здание затемно: серый бетонный куб без окон, замаскированный под склад запчастей, и выходил тоже затемно. Иногда ему казалось, что внешний мир перестал существовать. Остались только мониторы, наушники, протоколы и голоса. Тысячи голосов, которые никогда не узнают его имени.

Сегодняшнее утро началось как обычно.

Пластиковый стаканчик с кислым кофе из автомата. Лимитированный доступ в серверную по сетчатке глаза. Длинный коридор с датчиками движения через каждые три шага, и наконец - его рабочее место: капсула из матового стекла и металла, внутри которой помещался только стол, два монитора и кресло с подголовником, в котором он научился спать урывками по двадцать минут.

- Ван дер Берг, - голос начальника смены раздался из динамика прежде, чем Матео успел надеть наушники. - Новое назначение. Объект «Сирена». Загружаю досье.

Матео не повернулся к камере, бесполезно. Джефферсон всё равно видел его - шесть углов обзора, инфракрасный, тепловизор. В этой комнате приватность была роскошью, которую «Ангелы» не заслужили.

- Предыдущий объект закрыт? - спросил Матео, открывая вчерашний протокол.

- Завершён досрочно. - Голос Джефферсона звучал безэмоционально, но Матео уловил привычную нотку одобрения. - Объект «Факел» перестал представлять угрозу после того, как мы подкинули его жене фотографии с любовницей. Семейный скандал, депрессия, увольнение из военного НИИ². Теперь работает таксистом.

— Эффективно, — кивнул Матео, не испытывая ничего.

² Военные научно-исследовательские институты (НИИ) в России занимаются разработкой и исследованием технологий, обеспечивающих обороноспособность страны.

Год назад он бы задумался о чужой разрушенной жизни. Теперь он знал: если объект перестаёт быть угрозой, значит, протокол отработан правильно.

— У нас есть награда за квартал, — добавил Джефферсон. — Плюс три дня оплачиваемого отпуска, можешь взять в октябре.

— Отпуск? — Матео почти усмехнулся. — Куда мне идти?

Джефферсон знал, что у ван дер Берга нет ни семьи, ни друзей вне периметра, как у большинства из них. Это было негласным требованием при найме.

— Приступай к досье, — сказал начальник и отключился.

Матео надел наушники - профессиональные, с двойной шумоизоляцией и функцией отсека частот посторонних частот и открыл файл.

На первом экране появилась фотография.

Девушка в летнем платье на фоне моря. Улыбается открыто, без кокетства. Волосы светлые, почти белые, выгоревшие на солнце. Глаза серо-зелёные, с каким-то недетским просветом, который Матео научился распознавать за два года: такие бывают у людей, переживших сильное потрясение и вышедших из него с холодным пониманием мира.

Бранко Скай Эванджелина. 26 лет. Гражданство: отечественное. Место жительства: Аствик, пентхаус в «Атлантик Тауэрс». Образование: Йельский университет, магистр биотехнологии, специализация - биохакнинг (диплом с отлични-

ем, 2027). Родители: Бранко Аугустин (61 год, владелец нефтяной компании «Бранко Энерджи», состояние - 4,7 млрд долларов), мать умерла в 2018 году (официальная причина - осложнения после аутоиммунного заболевания).

Матео перевёл взгляд на второй экран, где шла расшифровка оперативных данных.

Актуальный статус: состоит в отношениях с Галло Винсентом (41 год, предполагаемый глава восточноевропейского синдиката, в разработке 18 месяцев). Причастность объекта «Сирена» к противоправной деятельности не подтверждена, однако через неё возможен выход на каналы связи Галло.

Цель наблюдения: в течение 30 дней зафиксировать любые контакты с Галло, содержащие сведения о логистике грузов (медицинские чипы, запрещённое оборудование). Особое внимание - встречам с отцом. Бранко-старший подзревается в логистической поддержке синдиката.

Приоритет: ни при каких обстоятельствах не вступать в контакт с объектом. Не вмешиваться. Даже если объект находится в опасности. Нарушение карается немедленной дисквалификацией и передачей дела в трибунал.

Матео пробежал глазами стандартные пункты, те же, что и в каждом задании. Знал наизусть, но всё равно каждый раз перечитывал последнее предложение. *«Даже если объект находится в опасности»*. За два года он ни разу не сталкивался с ситуацией, где это правило можно было бы нарушить.

— Чёрт с тобой, — пробормотал он, глядя на улыбающуюся девушку с белыми волосами. — Давай посмотрим, что ты скрываешь.

Он кликнул на кнопку активации каналов прослушки.

Серверы загудели громче. На третьем экране пошла загрузка логов с её телефона - модель последнего поколения, с тремя симметричными камерами и распознаванием по сетчатке. «Ангелы» взламывали такие за три минуты. Протокол закладки отработан до автоматизма.

Первое, что услышал Матео - шум воды.

Девушка была в душе.

Он быстро проверил время: почти девять утра. Поздно для офисной работы, рано для светской львицы. Матео уже начал привычно отстранённо фиксировать детали: такие вещи потом ложатся в психологический портрет: любит горячую воду (паровой эффект, значит, температура выше 40 градусов), не слушает музыку во время купания (или телефон в другой комнате), дышит ровно, без одышки, следов спешки.

— Боже, какая же ты скотина, Винсент, — сказала она вдруг. Спокойно, как говорят о погоде.

Матео замер. Он ожидал утренней болтовни с подругой, заказа завтрака, даже влажных фантазий в голос, но не такого.

Она выключила воду. Тишина на несколько секунд, потом звук открываемой стеклянной двери. Шаги босиком по

плитке и снова голос, на этот раз рядом с телефоном, который, судя по всему, лежал на тумбочке в спальне:

— Ты не придёшь ночевать сегодня, как всегда, и утром я скажу твоим людям, что у меня мигрень. Опять. Сколько можно?

Пауза. Кто-то ответил? Матео проверил частоты - нет, она не по телефону говорила. Она разговаривала сама с собой или с тем, чьё присутствие не требовало ответа.

— Ладно, — выдохнула она, и в её голосе вдруг появилась такая усталость, будто ей не двадцать шесть, а под сто. — Собирайся, тряпка. У тебя через час встреча с папой. Ему нужны отчёты по поставкам. Сделай лицо попроще и постарайся не трезвонить об Йеле.

Матео быстро застучал по клавиатуре, фиксируя:

Объект «Сирена»: признаки диссоциативного поведения (разговор с собой во время утреннего ритуала). Эмоциональный фон - стабильно пониженный. Фиксируется усталость, не связанная с физическими нагрузками.

Рекомендация: отследить триггеры смены настроения.

Он уже вносил данные, когда динамик донёс тихое:

— Прости меня, мама, я так и не смогла.

Матео откинулся в кресле.

— Что ж, — сказал он пустому помещению, глядя на две фотографии на экране: одну официальную, с моря, другую только что сделанную через её же камеру (она стояла перед зеркалом, закутанная в полотенце, с мокрыми волосами и

абсолютно пустым взглядом). — Доброе утро, Скай Бранко.

Семьсот двадцать четвёртый день его жизни в стенах без окон только что перестал быть рутиной.

ГЛАВА 2

15 сентября 2030 года, 21:14

Объект «Сирена» находится

в пентхаусе «Атлантик Тауэрс», Аствик

Вечером Аствик утопал в тумане. Матео видел это только на картах погоды, из его капсулы не было окон, но метеодатчики исправно передавали: влажность 94%, температура +2°C, видимость менее ста метров. Хорошая ночь для слежки, плохая для побегов.

Он сидел в наушниках уже двенадцатый час. К этому моменту у него обычно начинала ныть шея и глаза слезились от мониторов, но сегодня он не замечал ни того, ни другого.

Голос Скай Бранко засел под черепом как заевшая пластинка.

Она не сделала ничего подозрительного за день. Встретилась с отцом в нейтральном ресторане (их разговор Матео записал, но там была только рутина: отчёты, поставки, слухи о новых налогах). Заехала в офис компании Винсента (пять минут, передала папку с документами секретарше). Вернулась домой, заказала суши, посмотрела два эпизода сериала про зомби, потом час читала научную статью в голос на веррийском с обилием английских терминов.

«CRISPR-Cas9 off-target effects remain the primary challenge for in vivo applications...»³

Она читала сложные тексты вслух, когда думала, что никто не слышит. Матео записывал это в протокол как «привычка, не несущая оперативной ценности», но на самом деле слушал заворожённо. У неё был голос, который делал даже сухие научные абстракции музыкой.

Потом пришёл Винсент.

Матео узнал его шаги ещё до того, как дверь открылась: тяжёлые, нетерпеливые, с металлическим цокотом ботинок. Он слышал этого человека полтора года, с тех пор как «Ангелы» начали охоту на синдикат. Винсент Галло никогда не входил в комнату тихо.

— Скай. — Его голос раздался из динамиков в тот момент, когда объект «Сирена» стояла у окна с чашкой зелёного чая. — Ты видела новости?

— Какие именно? — спросила она, не оборачиваясь.

— Про того блогера, которого нашли в Хеймдале.

Матео напрягся. В Хеймдале, одном из районов Аствика, сегодня утром обнаружили труп оппозиционного блогера. Официальная версия - самоубийство. «Ангелы» знали правду: объект «Факел» действительно повесился после того, как его жена подала на развод из-за подброшенных фотографий, но Винсент не мог этого знать.

³ «Побочные эффекты CRISPR-Cas9 остаются основной проблемой для применения in vivo...»

— Думаешь, это не суицид? — спросила Скай всё так же ровно.

— В этой стране уже ничего не происходит случайно. — Винсент прошёл в гостиную. Матео слышал, как он открыл бар, налил виски, выпил одним глотком. — Твой отец говорил что-нибудь о нём?

— Папа не обсуждает со мной политику, ты знаешь.

— А должен бы. Ты же умная девочка. Йель, биохакинг, все дела. — В его голосе прорезалась издевательская нотка. — Или ты только притворяешься умной, когда я не вижу?

Тишина. Матео заметил, как её дыхание чуть переменилось, не участилось, нет, а стало... управляемым. Как будто она взяла эмоции под контроль сознательным усилием.

— Что ты хочешь на ужин? — спросила она, поворачиваясь к нему. — Я закажу в «Северной столице», их лосось сегодня свежий.

— Не хочу лосося. Хочу знать, куда делась партия чипов, которая должна была прийти в прошлый вторник.

— Твои люди потеряли груз, я здесь ни при чём.

— Мои люди говорят, что на таможне был обыск, внеплановый. Твой отец ничего об этом не знает?

— Спроси у него сам. — Скай поставила чашку на столик, и Матео услышал звон фарфора, слегка дрожащий, почти незаметный. — Я не курьер между вами.

«Дрожь», - мысленно отметил Матео. Он ещё не знал, что это значит. Страх? Холод? Гнев? Но почувствовал, там что-

то не так.

Винсент, видимо, почувствовал тоже.

Он подошёл к ней. Шаги стали тише, но тяжелее, он приближался. Матео услышал, как Скай сделала шаг назад и упёрлась в подоконник.

— Ты дрожишь, — сказал Винсент негромко. — Я тебя пугаю?

— Нет.

— А должен.

— Винсент, я просто устала. Давай завтра обсудим груз. Я позвоню папе, уточню детали. Хорошо?

Пауза... долгая. Матео подавил желание вцепиться в подлокотники кресла.

— Хорошо, — сказал наконец Винсент. — Но не завтра, сегодня. Я хочу, чтобы ты позвонила ему прямо сейчас, при мне.

— Сейчас одиннадцатый час, папа уже спит.

— Разбуди.

Матео слышал, как она достала телефон, как набрала номер. Как спокойным, ледяным голосом сказала: *«Пап, извини за поздний звонок. Винсент хочет узнать про таможня»*. И как её отец после паузы ответил слишком быстро для человека, которого разбудили: *«Что случилось? Передай ему трубку»*.

Скай передала телефон. Винсент отошёл к бару, и их разговор превратился в неразборчивый мужской гул - таможня,

контейнеры, взятки, *«ты обещал мне защиту»*.

А Скай осталась у окна и вдруг Матео услышал это отчётливо: она тихо, одними губами, почти беззвучно произнесла: — Только не сегодня, пожалуйста, только не сегодня.

Она стояла в темнеющем Аствике, прижимаясь лбом к холодному стеклу, и молилась неизвестно кому. Может быть, маме. Может быть, тому ангелу-хранителю, в которого не верила.

Матео отключил микрофон на три секунды.

Это было нарушением протокола. Каждые пятнадцать минут он обязан был фиксировать состояние объекта, но впервые за два года он просто не смог слушать.

— Что ты делаешь, ван дер Берг? — прошептал он сам себе, глядя на пульсирующую зелёную линию её голоса на экране.

Ответа не последовало.

Через минуту Винсент закончил разговор и вернулся к ней. Его голос звучал мягче, таким Матео ещё не слышал.

— Прости, — сказал он. — Я погорячился. Идём, я закажу ужин, лосось, как ты хотела.

— Хорошо, — ответила Скай тем же ровным тоном.

Но Матео услышал то, чего не услышал Винсент. Когда она говорила *«хорошо»*, её сердце билось на шестнадцать ударов чаще, чем минуту назад. Пульсометр «Ангелов» никогда не врал.

Объект «Сирена»: зафиксирована эмоциональная реак-

ция на присутствие Галло В. Частота сердечных сокращений - 94 уд/мин (базовый показатель 68-72). Внешние признаки страха/стресса минимальны. Рекомендовано усилить мониторинг.

Он отправил протокол в автоматическом режиме, но добавил в конце строку, которую потом удалил:

Примечание: объект демонстрирует признаки длительного психологического давления. Способность к маскировке эмоций - исключительно высокая.

Строка исчезла через три секунды после отправки: не потому, что кто-то проверил, а потому что Матео сам стёр её, зажмурившись.

Правило номер один: никакой эмпатии. Объект не человек. Объект - инструмент для получения информации.

Он повторял это как мантру, когда Скай и Винсент ужинали под приглушённый джаз. Когда Винсент ушёл в спальню, а она осталась мыть посуду сама, хотя в пентхаусе есть прислуга. Когда она в третий раз перечитала письмо от отца (Матео его уже скопировал: обычные отчёты, не было ничего важного).

А потом Винсент вышел из спальни в одном полотенце, подошёл к ней и обнял со спины.

— Иди сюда, — сказал он. — Я соскучился.

— Я устала, — ответила она.

— Я сказал, иди сюда.

Матео слышал, как она поставила тарелку в сушилку, как медленно вытерла руки, как сделала шаг, второй, третий, и как дверь спальни закрылась за ними.

Он снял наушники. Сидел в полной тишине, глядя на мигающий огонёк датчика связи. Работа требовала фиксировать всё, даже это, особенно это. «Интимные контакты объекта - часть поведенческого портрета».

Он знал, что должен надеть наушники обратно.

Вместо этого Матео встал, подошёл к стене капсулы и со всей силы ударил по ней кулаком. Матовое стекло дрогнуло, но не треснуло, здесь всё было бронированным.

Даже он сам.

— Джефферсон, — прошептал он в пустоту. — Зачем ты мне это подкинул?

На мониторе, во вкладке с биометрией объекта «Сирена», пульс подскочил до 110, потом до 120, потом стабилизировался на 115.

Матео закрыл глаза.

Когда он открыл их через пять минут и снова надел наушники, Скай уже лежала на кровати, глядя в потолок, Винсент храпел рядом.

Она не спала, смотрела в никуда и тихо, одними губами, напевала мелодию. Матео узнал её - *Queen*, «*Don't Stop Me Now*». Ту самую, под которую она наполняла ванну по утрам, когда думала, что никто не слышит.

Он записал в протокол:

23:17. Объект не спит. Фиксируется бессонница. Напева-ет мелодию без звука.

Рекомендация: дополнительное обследование психологи-ческого состояния.

А ниже, уже не удаляя, приписал:

Наблюдатель: ван дер Берг М. Отмечаю аномальную эм-патию к объекту. Прошу заменить на другого агента, если ситуация повторится.

Он знал, что эту приписку никто не прочитает. Все «ан-гелы» иногда писали такое. Это было частью рутины - жа-ловаться на человечность, которая мешала работе, но Матео впервые в жизни не был уверен, что это действительно жа-лоба.

ГЛАВА 3

18 сентября 2030 года, 06:42

Пентхаус «Атлантик Тауэрс», Аствик

Третьи сутки слезки Матео почти не спал.

Он научился обходиться двадцатью минутами между цик-лами прослушки: дремал в кресле с наушниками на одно ухо, чтобы не пропустить голосовую активацию. Кофе авто-мат выдавал жидкую бурду, похожую на раствор для чистки труб, но Матео пил её, не морщась. Гораздо хуже было дру-гое: он перестал быть беспристрастным.

Каждое утро Скай Бранко вставала в шесть. Неважно, во сколько она засыпала, после близости с Винсентом или по-

сле бессонных часов у окна. В шесть ноль-ноль её будильник играл короткую мелодию, которую Матео уже выучил наизусть: первые семь нот из «Clocks» группы Coldplay.

Она выключала будильник с первого касания, садилась на кровати, смотрела на спящего Винсента пять секунд ровно, без ненависти, без жалости, потом шла в ванную, и начинался ежедневный ритуал.

Вода, пена и обязательно - Queen.

Но сегодня было что-то иначе.

Матео натянул наушники плотнее, услышав, как Скай не включает музыку сразу. Вместо этого она стоит перед зеркалом и... говорит.

— Ты чувствуешь это? — спросила она своё отражение. Голос хриплый со сна, но внимательный. — Третью ночь подряд, как будто кто-то смотрит.

Матео замер, его пальцы застыли над клавиатурой.

— Дурь какая-то, — продолжила она, поворачивая голову, рассматривая себя под разными углами. — Телефон, что ли, прослушивают? Глупости. Наивные глупости.

Она взяла смартфон с тумбочки, тот самый, в который встроены «жучки» «Ангелов» и поднесла к глазам. Распознавание по сетчатке сработало мгновенно, экран засветился.

— Ничего, — прошептала она, листая настройки. — Нет никаких фоновых процессов, нет подозрительного трафика. Что же ты тогда, сволочь?

Она положила телефон на место, экраном вниз, в душ по-

шла без него.

Впервые за три дня.

Матео слышал только шум воды, приглушённый дверью, и далёкое эхо её дыхания. Он не мог видеть, камеры телефона не работали в ванной, потому что Скай перестала его туда брать. *Чёртова интуиция.*

— Она почувствовала, — сказал он вслух и тут же оглянулся, нет ли кого в капсуле, хоть знал, что здесь всегда один.

Он открыл канал связи с Джефферсоном.

— Смена, у меня проблема. Объект «Сирена» демонстрирует признаки обнаружения слежки. Не фиксирует технически, но на уровне подсознания. Убрала телефон из ванной комнаты.

Джефферсон ответил не сразу. Сначала пришёл текст, всегда текст, голос был только для экстренных случаев.

Джефферсон (08:14): «Сирену» дважды не взламывали. Модуль невидим. Ты уверен, что она именно почувствовала, а не просто решила отдохнуть от телефона?

Матео задумался. Уверен ли он? Три дня наблюдения дали ему доступ к её привычкам, и он знал, что Скай Бранко не отдыхает от технологий. Для неё телефон был продолжением руки, особенно с утра, она проверяла почту, новости, биржевые сводки, прежде чем даже почистить зубы.

Сегодня она не сделала ничего из этого.

Ван дер Берг (08:16): Уверен. Она вербализовала ощущение. Сказала: «как будто кто-то смотрит». Говорила с от-

ражением. Не паникует, но насторожена.

Джефферсон (08:17): Если усилится - доложишь. Пока наблюдай и не придумывай лишнего. Объект - истеричка, такие часто видят шпионов в каждом углу.

Матео хотел возразить, что она не истеричка, что её поведение рационально и даже элегантно в своей осторожности, но не стал. Джефферсон не любил, когда «ангелы» очеловечивали объекты.

Он вернулся к прослушке. Скай уже вышла из душа, закуталась в халат и стояла у окна. Внизу, в тумане Аствика, первые лучи солнца пробивались сквозь многоэтажки.

— Ладно, — сказала она спокойно. — Допустим, за мной следят и что? В этой стране следят за всеми, папа говорил об этом раньше.

Она прошла на кухню, включила кофемашину. Матео услышал, как зашипел пар, она делала капучино, с двойной пеной, как выяснилось на второй день.

— Но если это не спецслужбы, — продолжила она свой странный монолог, обращаясь то ли к пустой кухне, то ли к кому-то невидимому, — если это Винсент проверяет, не сливаю ли я информацию? Тогда мне конец!

Матео сжал подлокотники. *Винсент.* Она боялась не государства, ведь с государством можно договориться. Она боялась, что её «ангел-хранитель» работает на мафию.

— Ты ошибаешься, — прошептал Матео так тихо, что микрофон не мог его уловить, даже если бы был включён. —

Я не на его стороне.

Она не услышала, конечно.

Скай допила кофе, оделась, сегодня на ней строгий костюм, не в пример вчерашнему платью, и набрала номер отца.

— Пап, привет, ты не занят?

— Для тебя всегда свободен, дорогая. — Голос Бранко-старшего звучал мягко, с лёгкой хрипотцой, он был курильщиком, Матео уже зафиксировал это по обертонам. — Что-то случилось?

— Мне кажется... — она запнулась. — Глупо звучит.

— Говори.

— За мной следят. Я чувствую, но не могу объяснить. Телефон как будто чужой стал, и в комнате... не знаю... присутствие.

Пауза. Бранко молчал несколько секунд. Матео слышал, как он зажёт сигарету, щелчок зажигалки, глубокий вдох, выдох.

— Ты хочешь, чтобы я проверил твой телефон? — спросил он наконец.

— Нет. Я сама проверила. Чисто.

— Тогда либо у тебя паранойя, либо это профи. Если профи, то они не оставят следов.

— Что мне делать?

— Будь осторожнее. Не обсуждай по телефону ничего, что касается поставок и про Винсента молчи, поняла?

— Поняла.

— Я люблю тебя, Скай.

— Я тебя тоже, папа.

Она сбросила вызов и ещё минуту смотрела на экран телефона. На тёмном стекле отражалось её лицо - усталое, внимательное, с глазами, которые видели больше, чем следовало.

Матео вдруг понял, что смотрит не на монитор с данными телеметрии. Он смотрит на неё. В прямом смысле через её же камеру, которая смотрела на неё сверху вниз (телефон лежит на столе, объектив смотри в потолок, но захватывает её лицо в верхней трети кадра).

Она была прекрасна в своей уязвимости и это было опасно.

Он отключил видео и перешёл только на аудио. Так безопаснее. Так проще помнить, что она - объект, а он - агент. Так легче не нарушать правила. Но правила уже были нарушены. В тот момент, когда он пожалел о том, что не может стереть страх из её голоса.

19 сентября 2030 года, 00:23

Штаб-квартира, капсула ван дер Берга

Ночью Скай проснулась от кошмара.

Матео узнал это по дыханию - резкому, рваному, как у человека, который пытается вспомнить, где находится. Она не кричала, как другие объекты в похожих случаях. Просто

села на кровати, обхватила колени руками и замерла.

Винсента рядом не было, он уехал «по делам» ещё вечером.

— Мама, — сказала она шёпотом, — мне кажется, я схожу с ума.

Тишина. Никто не ответил. Конечно, мать умерла двенадцать лет назад.

— Ты всегда говорила: если чувствуешь взгляд, значит, кто-то смотрит. Человеческий инстинкт, ему можно верить.

Она встала, прошла к окну. Аствик спал: редкие огни такси, тусклое свечение уличных фонарей.

— Что мне делать, мама? Он меня убьёт, если узнает, что я... — она не закончила. — А если я не сделаю это, через год меня парализует, а через два, не будет меня. Ты же знаешь...

Матео замер. *Через год парализует?* Он быстро открыл медицинское досье, там было только «аутоиммунное заболевание, ремиссия». Ничего про паралич.

— Чёрт, — прошептал он, листая файлы. — Что они от вас скрывают?

Скай тем временем подошла к зеркалу, тому самому, перед которым говорила утром. Посмотрела в него долгим, изучающим взглядом.

— Если ты там, — сказала она вдруг громче, почти нормальным голосом, — мой ангел-хранитель или шпион Винсента... мне всё равно. Просто знай: я не та, кем кажусь.

Она улыбнулась зеркалу. Улыбка была кривой, злой,

очень некрасивой и совершенно очаровательной в своей честности.

— И я вас всех переиграю.

Матео не дышал пять секунд, потом закрыл протокол, снял наушники и вышел из капсулы в общий коридор. В туалете, глядя на своё отражение в мутноватом зеркале (здесь сэкономили на сантехнике), он сказал себе:

— Ты влип, ван дер Берг... по уши... и у тебя есть двадцать семь дней, чтобы не совершить глупость.

Он не верил в свои шансы.

ГЛАВА 4

20 сентября 2030 года, 19:03

Пентхаус «Атлантик Тауэрс», Аствик

Они поссорились из-за супа.

Матео не сразу понял это. Он сидел в наушниках, попивал двадцать пятый за день кофе и просматривал утренние ленты: объект «Сирена» вела себя образцово-скучно: встреча с массажистом, разговор с менеджером по закупкам, час в спортзале, и только когда Винсент вернулся домой с букетом роз, что-то пошло не по сценарию.

— Это тебе, — сказал он, судя по шелесту, бросил цветы на кухонный стол. — С днём, когда я тебя не бил.

Скай рассмеялась, коротко, безрадостно.

— Остроумно. Ты сам придумал или твои ребята подсказали?

— Не зли меня. — Винсент открыл холодильник, достал пиво. — Сегодня был отвратительный день. Тот груз, который потеряли на таможне, всплыл в порту Нордштейна, наполовину с пустыми контейнерами.

— И ты думаешь, это я? — Голос Скай был спокоен, слишком спокоен. Матео уже знал этот тон. Означало: внутри у неё всё кипит.

— Я думаю, что твой отец - старый хитрый лис, а ты его маленькая разведчица.

— Прекрати.

— А что? Ты же точно не глупая. — Он приближался, Матео слышал, как скрипят половицы. — Может, ты вшила себе в мозг чип и теперь читаешь мои мысли и передаёшь папе?

— Винсент, ты бредишь. Откуда у меня доступ к твоим грузам? Я даже не знаю маршрутов.

— А зачем тебе знать? Ты просто даёшь папе понять, когда я злюсь, когда я слаб, когда я устал, а он уже сам додумывает остальное.

— Ты параноик.

— Я реалист. — Его голос стал тихим, почти ласковым. — А ты сейчас меня разозлила... сильно...

Матео видел это через камеру, телефон Скай лежал на подставке в гостиной, и объектив захватывал почти всю комнату. Винсент стоял в трёх шагах от неё, сжимая бутылку пива. Скай у плиты, где варился суп. Обычный куриный суп с

лапшой, она готовила его сама, хотя могла бы нанять повара.

— Давай просто поужинаем, — сказала она, помешивая половником. — Я купила твой любимый хлеб с чесноком.

— Я не хочу твой грёбаный хлеб.

Он шагнул, Скай шагнула назад, упёрлась в столешницу.

— Я хочу знать, что ты скрываешь. — Винсент ударил бутылкой по столешнице рядом с её рукой. Звук был резким, стекло встретилось с камнем. Скай дёрнулась, но не вскрикнула. — В твоём телефоне нет ничего, я проверял. Дома тоже, но я чувствую, ты что-то задумала.

— Я ничего не задумала. — Голос Скай дрогнул, впервые за всё время наблюдения. — Отпусти меня, ты мне руку сломаешь.

Матео посмотрел на монитор. Винсент и правда схватил её за запястье, там, где тонкая кожа и хрупкие кости. Её пульс взлетел до 135.

— Скажи, — прошипел он. — Скажи, что вы с отцом застряли.

— Ничего, клянусь тебе. — Она почти не плакала, только глаза покраснели, но слёзы не текли. Матео знал эту картину: человек, которого били много раз и который научился не показывать боли. — Винсент, отпусти, мне больно.

Он отпустил, но не сразу. Сначала сжал сильнее на секунду, на две, на три, потом резко разжал пальцы, и Скай пошатнулась.

— Убирайся с глаз моих, — сказал он и отвернулся к бару.

Она не побежала, не заплакала, медленно, очень медленно вышла из кухни, держась за запястье. В гостиной остановилась, посмотрела на телефон, на камеру, туда, где невидимый Матео видел её мокрые от непролитых слёз ресницы, и сказала одними губами, без звука:

— Я в порядке, не волнуйся.

Матео знал, что это не ему, и всё равно понял так, будто она смотрела прямо в его душу.

Она пошла в ванную.

Матео слышал, как открылся кран, как набралась вода - горячая, судя по пару, который отражался на зеркале. Как щёлкнула крышка пены, и потом включилась музыка.

Queen. «Don't Stop Me Now».

Сегодня песня звучала иначе... как молитва.

Tonight, I'm gonna have myself a real good time...

Матео закрыл глаза и слушал, как Скай Бранко поёт, тихо, почти без голоса, в такт мелодии, и как плещется вода, смешиваясь с чужими слезами.

Он просидел так три минуты, потом открыл протокол и написал:

20 сентября, 19:17. Объект «Сирена» подвергся физическому воздействию со стороны Галло В. (сдавление лучезапястной области). Психологическое состояние - стабильно-подавленное, признаки диссоциации. Рекомендовано: наблюдение для фиксации долгосрочных последствий.

Он хотел добавить: «Настоятельно рекомендую изъять

объект из зоны влияния Галло в целях сохранения жизни». Но не добавил, потому что это было правилом номер один, а правила придумали не для того, чтобы их исполнять. Их придумали для того, чтобы наказывать тех, кто осмелится их нарушить.

— Я не нарушу, — сказал он себе, глядя на пульсирующую линию её пульса на экране. — Я просто запишу и буду слушать.

Но в тот момент, когда песня закончилась и наступила тишина, долгая, напряжённая, полная невысказанного, он понял, что уже нарушил.

Он поставил на паузу запись ссоры и просто сидел в темноте капсулы, перебирая в памяти её лицо, её голос, её одностороннее «я в порядке».

Он не знал, верит ли ей, но очень хотел верить.

ГЛАВА 5

22 сентября 2030 года, 14:17

*Парковка у торгового центра «Северная Пальмира»,
Аствик*

Матео никогда не выезжал на задания.

Это было негласное правило «Ангелов»: ты работаешь из капсулы, из-за монитора, из безопасной серой безликости штаба. Выезд - удел полевых агентов, а он был аналитиком. Их разделяла пропасть в несколько уровней допуска и, как казалось Матео, целая философия: «Наблюдай, но не касай-

ся».

Сегодня он нарушил и это.

Всё началось с того, что в двенадцать тридцать Скай сказала в телефон, кому-то из подруг, что хочет «купить новые джинсы и просто побыть одной». Матео не придумал этому значения. Объекты ходили по магазинам постоянно. Это время можно было использовать для анализа старых записей.

Но что-то его дернуло.

Он проверил геолокацию её телефона - стандартная процедура, без эмоций. Телефон остался дома, на зарядке. *Странно.* Девушка, которая не расставалась со смартфоном даже в ванной, вдруг оставила его в пентхаусе и пошла гулять по городу без связи? Или не гулять?

Матео колебался ровно три минуты.

Потом встал, надел куртку, сунул в карман служебный телефон (и сразу отключил на нём GPS - привычка, которой его никто не учил), и вышел из штаба в первый раз за две недели.

Солнце ударило в глаза как пощёчина.

Аствик в сентябре был золотым: листья ещё не облетели, воздух пах яблоками и выхлопными газами, люди спешили по своим делам, не подозревая, что один из «ангелов» идёт среди них. Матео взял служебную машину - серый седан без опознавательных знаков и поехал к торговому центру, где, по данным камер наружного наблюдения, могла быть Скай.

Он нашёл её на парковке.

Она стояла у своей машины - белый электрический кроссовер последней модели, слишком дорогой для этого района, и рылась в сумке в поисках ключей. Простая чёрная толстовка, джинсы, кеды, волосы собраны в небрежный хвост. Без косметики, без бриллиантов, без той гламурной обёртки, которую она надевала с Винсентом.

Она была настоящей и от этого у Матео перехватило дыхание.

Он пригнулся.

Резко, почти рефлекторно нырнул под руль, так что лоб почти коснулся коленей. Сердце колотилось как у подростка, которого застукали за подглядыванием.

— Дурак, — прошептал он себе в руль. — Она тебя не знает, даже не видела ни разу.

Но не поднялся. Ждал, пока её кроссовер выедет с парковки. Только тогда выпрямился, выдохнул и включил зажигание.

— Что ты делаешь? — спросил он своё отражение в зеркале заднего вида. — Что, чёрт возьми, ты делаешь, ван дер Берг?

Он не ответил, поехал следом, держа дистанцию в три машины.

Она вела аккуратно, без лихачества, но уверенно, город знала хорошо. Матео с удивлением заметил, что она пользуется поворотниками даже на пустых улицах и пропускает пешеходов на переходах. Винсент, судя по прошлым записям,

парковался где попало и ругался с инспекторами.

«Ты не похожа на них», - подумал Матео и тут же разозлился на себя за эту мысль.

Она выехала за город. Дорога стала уже, фонарей меньше, вокруг серые склады, ржавые краны, запах мазута и соли. Зброшенный порт. Матео знал это место по старым отчётам: когда-то здесь разгружались угольщики, потом порт закрыли, и район стал пристанищем для контрабандистов и тех, кто хотел остаться незамеченным.

Скай припарковалась у ангара с облупившейся вывеской «Верийские морские линии. 1973».

Матео остановился в двухстах метрах, за грудой контейнеров. Достал свой телефон, не служебный и включил камеру с максимальным зумом.

Из тени ангара вышел мужчина.

Матео не узнал его. Высокий, под два метра, в тёмном пальто, с короткой стрижкой и жёстким лицом человека, который умеет драться. Не Винсент, не отец, кто-то новый.

Скай вышла из машины, подошла к нему без страха, даже без той настороженности, с которой ходила вокруг Винсента. Они обменялись парой фраз, Матео не слышал слов, ветер дул в другую сторону, но видел, как она кивнула дважды и взяла из рук мужчины жёлтый конверт - плотный, запечатанный, без маркировки.

Она сунула его в сумку, оглянулась по сторонам (Матео успел спрятаться за контейнер), потом быстро села в машину

и уехала.

Мужчина исчез в ангаре так же тихо, как появился.

Матео сделал три снимка: лицо незнакомца, номер его машины (скрытая парковка, но боковое зеркало оставило блик, по которому можно вычислить модель), и кадр, где Скай держит конверт.

Потом откинулся на сиденье и закрыл глаза.

— Что ты только что сделал? — спросил он вслух. — Ты вышел за периметр. Ты нарушил протокол слежки. Ты отключил GPS, чтобы твои же не узнали, где ты. Если Джефферсон это увидит...

Он не договорил, потому что знал: если Джефферсон это увидит, его уволят или хуже - «Ангелы» не прощают предательства доверия, даже маленького.

Но в голове уже крутилось другое: кто этот мужчина? Что в конверте? Почему она встречается с ним без телефона, без охраны, без Винсента?

И главное почему она мне небезразлична?

Матео завёл машину и поехал обратно в штаб, прокручивая в голове снимки. Никто не должен был узнать об этой поездке, никто, но он знал: это не последний раз.

22 сентября 2030 года, 15:42

Трасса E-18, направление к Нордфельду, Верия

Он не поехал в штаб.

Сначала он вырулил на трассу, машинально нажал на газ

и уже через пять минут оказался на развилке: налево Нордфельд и серая бетонная коробка, где его ждали восемь часов протоколов, направо город, люди, жизнь. Он простоял на повороте три минуты, включая аварийку, оглушая тишину салона редкими гудками проезжающих мимо машин.

И поехал направо.

— У меня отсыпной, — сказал он вслух, проверяя телефон. Ни одного сообщения от Джефферсона. Сегодня действительно его выходной - единственный за последние двадцать дней. — Я никому ничего не должен. Я просто... еду.

Но ехал он не домой и даже не в кафе, где можно было бы выпить нормального кофе и притвориться обычным тридцатилетним мужчиной. Он ехал по городу, который знал только по картам и сводкам ДПС, и ловил себя на мысли, что уже свернул за Скай. Она была в двадцати минутах впереди, её белый кроссовер давно скрылся из виду, но Матео всё равно сверял маршрут интуитивно, на уровне заученных привычек слежки.

— Ты чокнулся, — сказал он своему отражению в зеркале. — У тебя отсыпной, и ты тратишь его на объект, который даже не подозревает о твоём существовании. Остановись, пожалуйста, остановись.

Он не остановился.

Вместо этого он свернул в спальный район, нашёл свободное место у тротуара, заглушил двигатель и просто смотрел в лобовое стекло. Жизнь текла мимо: мама с коляской, под-

ростки на самокатах, старик, выгуливающий таксу, продавщица из ларька, курящая на заднем дворе. Люди. Обычные люди, которые понятия не имели, что в их телефонах могут быть жучки, а за их разговорами следят тридцать обученных аналитиков в бетонной коробке под видом склада запчастей.

Матео вдруг осознал с острой, почти физической болью: он не помнил, когда в последний раз разговаривал с незнакомцем без цели. Когда в последний раз покупал кофе, не сканируя взглядом помещение на предмет камер. Когда в последний раз засыпал без мысли «а вдруг объект скажет что-то важное в три ночи».

Когда его жизнь стала клеткой?

Он закрыл глаза, и память услужливо подкинула картинку.

2028 год,

военная база «Аствик-Норд»

Тогда у него ещё была форма, нашивка с флагом Верии, и звание, которое заставляло младших по званию вытягиваться по струнке. Матео ван дер Берг служил в разведке: не такой, как «Ангелы», а настоящей, полевой. С выездами, перестрелками и телами, которые не успевали остыть.

Его подразделение отправили на подавление мятежа в северных провинциях - сепаратисты захватили город Хеймдаль, перекрыли трассы, взяли заложников. Операция длилась девять дней. Матео потерял двоих друзей и сам вернул-

ся с осколком в плече и тремя рекомендациями к награде.

А потом его вызвал полковник Стоун.

— Ван дер Берг, — сказал Стоун, глядя на него тяжёлым взглядом человека, который видел слишком много смертей, — ты умеешь слушать?

— Так точно.

— Нет. Ты не понял. Я спрашиваю: ты умеешь слушать тихо? Чужие разговоры, чужие секреты, чужую боль и не вмешиваться, даже когда хочется закричать?

Матео тогда не понял вопроса. Он был солдатом, офицером разведки, человеком действия. Ему казалось, что самое страшное - это пули и взрывы.

— Думаю, да, — ответил он.

Стоун кивнул и протянул ему визитку без имени и должности, только с адресом, тем самым, что в Нордфельде.

— Через месяц запускается новый проект. Гражданская инициатива при поддержке спецслужб. Ищут людей с твоим профилем - внимательных, дисциплинированных и... опустошённых. — Полковник помолчал. — Ты потерял двоих. Я знаю. Тебе нужно что-то, что заполнит пустоту. Эта работа заполнит, но будь осторожен, она может и уничтожить.

Матео тогда не понял и этого. Он взял визитку из вежливости, положил в карман и забыл на три месяца, а потом наступила ночь, когда сепаратисты взорвали военный госпиталь, где лежал его лучший друг - Томас ван Лин, с которым они вместе учились в академии. Томас выжил, но потерял

ногу и желание жить. Матео навещал его в реабилитационном центре, смотрел в пустые глаза и думал: *«Почему я цел, а он нет?»*

Томас не винил его, он вообще не говорил, только смотрел в потолок и иногда плакал по ночам - Матео знал, потому что оставался ночевать в палате на раскладушке.

В ту ночь, когда Томас впервые за три месяца улыбнулся (медсестра принесла ему мороженое, и это была та самая «Чудо-ложка» из детства), Матео вышел в коридор и достал визитку.

Он позвонил через час.

— Я согласен, — сказал он в трубку. — Делайте со мной что хотите, мне всё равно.

За эти слова он сейчас и расплачивался. Стоя на обочине чужого города, в машине, которую не имел права брать, с телефоном с отключённым GPS, преследуя девушку, за которой должен был просто наблюдать из наушников.

— Тебе не было всё равно, — сказал он себе, глядя на поцарапанное лобовое стекло. — Ты просто сделал вид, а теперь это вскрылось, и вскрылось самым дурацким способом, через ту, на которую тебе плевать быть не может.

Он завёл машину для того, чтобы уехать отсюда, от этой мысли, от этого города, от этой работы, в которой он провёл два года, превратившись из человека в аппарат для прослушки.

Но вместо этого он развернулся и поехал в сторону цен-

тра. Мимо кафе, парков, школ, больниц, мимо жизни, которая шла без него. Матео ехал медленно, останавливался на красный свет, пропускал пешеходов, и впервые за два года у него не было наушников в ушах, не было протоколов, не было никаких целей.

Просто он и город. В какой-то момент он заметил, что улыбается. Не над чем-то конкретным, просто от ощущения, что он всё ещё человек, что его ноги помнят, как ходить по земле без задания, что его глаза видят не только пиксели на экране.

— Чёрт, — сказал он, вытирая лицо ладонью. — Я скучал по этому, хотя даже не знал, что скучал.

Он просидел так до вечера. Съел хот-дог у ларька (первая еда за месяц не из автомата, не из пластикового контейнера). Посидел на скамейке в парке, наблюдая за голубями. Купил мороженое «Чудо-ложка», то самое, и рассмеялся, когда оно потекло на пальцы, а потом сел в машину и поехал в штаб.

Завтра предстояло работать. Объект «Сирена» ждала. Жёлтый конверт ждал. Мужчина из порта ждал.

Но сегодня у него был отсыпной, и он хотя бы попытался им воспользоваться.

ГЛАВА 6

22 сентября 2030 года, 22:14

Парковка штаба «Ангелов-хранителей», Нордфельд

Матео только заглушил двигатель, когда телефон завиб-

рировал.

Он посмотрел на экран - автоматическое оповещение от системы слежения. Объект «Сирена» вернулась домой и не просто вернулась, акустический датчик зафиксировал голосовую активность, что-то говорит.

По протоколу он должен был зайти в здание, зарегистрироваться на посту, занять свою капсулу и только потом, в присутствии коллег, включить прослушку, потому что «Ангелам» запрещено слушать объекты в одиночку - это правило ввели после того, как один агент однажды сжалился над объектом и стёр компрометирующую запись.

Сегодня Матео было плевать на протокол.

Он остался сидеть в машине, огляделся - парковка почти пустая, только служебные авто, ни души. Темно, камеры были, но они смотрели на въезд и выезд, а не внутрь салона. Он натянул капюшон куртки, низко надвинул его на лоб, достал наушники и подключился к каналу «Сирены» в обход защитного шлюза.

Чистое нарушение. Если вычислят - трибунал, но он уже за гранью.

— Всё равно, — прошептал он, включая видео.

На экране телефона (он использовал служебный планшет, подключённый к камере наблюдения) появилась картинка: спальня Скай, приглушённый свет ночника, она сидит на кровати, поджав ноги, на коленях - жёлтый конверт. Тот самый.

Матео уселся поудобнее, придвинул планшет ближе. Слышимость была отличная, она даже не включила музыку. Только шорох бумаги и её дыхание.

Скай разорвала конверт неровным движением, пальцы дрожали. Вытряхнула содержимое на постель. Чёрно-белые фотографии - много, штук десять и сложенный вдвое лист плотной бумаги.

— Чёрт, — сказала она одними губами, разглядывая снимки. — Чёрт, чёрт, чёрт.

Матео не видел, что на фото - ракурс камеры был слишком высоким, захватывал только её плечи, руки и край кровати, но он видел её лицо. Испуганное, но не тотальный страх, а скорее... подтверждение. Она будто знала, что увидит нечто подобное, и теперь смотрела на доказательство с ужасом по-полам с облегчением.

Она взяла лист бумаги, начала читать. Губы шевелились беззвучно, где-то с пятой строки она побледнела так, что стала почти одного цвета с простынями.

— Нет, — прошептала она. — Нет, этого не может быть.

Матео вцепился в планшет, пытаясь разглядеть текст, но буквы были слишком мелкими, а камера не настолько хорошей. Он видел только заголовок, напечатанный крупным шрифтом: **«Заключение независимой экспертизы».**

Она судорожно листала фотографии - одну, вторую, пятую, на какой-то замерла, закрыла лицо ладонями и несколько секунд сидела неподвижно.

— Мама, — сказала она почти беззвучно. — Это всё из-за тебя.

Стук в дверь прогремел как выстрел.

Скай подскочила с кровати так резко, что Матео вздрогнул. Её движения отточенные, быстрые, как у человека, который репетировал этот манёвр сотни раз. Она ловко пригнулась, нырнула к тумбочке, нажала на невидимый глазу выступ на дне ящика - потайной сейф, чёрт возьми, Матео его даже не заметил за десять дней слежки и конверт исчез внутри.

— Скай! — Голос Винсента был пьяным, с той тягучей злостью, когда слова выплёвываются сквозь зубы. — Открой, сейчас же!

— Иду, — ответила она на удивление спокойно. Поправила волосы, одёрнула футболку, посмотрела в зеркало, глаза красные, но сухие.

— Я сказал сейчас!

Дверь содрогнулась от удара ногой.

Скай открыла.

Винсент ввалился внутрь, шатаясь. Рубашка расстёгнута, волосы встрепаны, в руке наполовину пустая бутылка виски.

— Ты где была? — спросил он, целясь в неё бутылкой как пистолетом.

— По магазинам.

— Врёшь.

— Винсент, ты пьян. Давай завтра поговорим.

— Я не пьян! — Он шагнул вперёд, сокращая расстояние. Скай шагнула назад к кровати, к стене, к любой опоре. — Я требую, чтобы ты сказала мне правду! Ты встречалась с ним? Снова?

— С кем?

— Не прикидывайся дурочкой! Блондиночка тупая - это роль! А я знаю, какая ты на самом деле, расчётливая! — Он ударил бутылкой по косяку, стекло не разбилось, но звук был мерзкий.

— Я не знаю, о ком ты.

— О фотографе! О том, с кем ты целовалась в прошлом месяце! Я видел!

— Это был просто друг, Винсент. Мы не...

— Молчать! — заорал он. — Молчать, когда я с тобой разговариваю!

Он схватил её за плечо и швырнул в глубь комнаты.

Скай не удержалась на ногах. Она ударилась о край кровати, рухнула на пол, больно приложившись локтем. Матео слышал, как она охнула, сдавленно, почти без звука.

Винсент навис над ней.

— Ты думаешь, ты умнее меня? — Голос его сорвался на хрип. — Да я из тебя всю дурь выбью! Ты никто без меня! Никто!

— Винсент, пожалуйста, — прошептала она.

— Пожалуйста? Что «пожалуйста»? Пожалеть тебя? Нет уж, лучше я тебя перевоспитаю.

Он замахнулся.

Первый удар пришёлся в скулу, Скай мотнула головой назад. Второй в губу, она треснула, и Матео увидел кровь даже на зернистом видео с камеры телефона. Третий куда-то в плечо, она уже закрывалась руками, не столько от боли, сколько от инстинкта выживания.

Она кричала, сначала глухо, потом громче.

— Не надо! Винсент, прошу!

— Ты моя! — Он навалился сверху, тяжелый, пахнущий потом и виски, сжимая её запястья так, что кости хрустнули. — Моя, поняла?! И если я узнаю, что ты...

Матео не дослушал.

Он выдрал наушники из ушей, отбросил планшет на пассажирское сиденье и завёл машину с такой яростью, что двигатель взвыл.

— Нет, — сказал он себе, переключая передачу. — Нет, нет, нет, ты не можешь.

Он мог.

Машина вылетела с парковки, визжа шинами. Он не думал о камерах, не думал о Джефферсоне, не думал о трибунале. Он думал только о том, как она кричала «*пожалуйста*». Как этот ублюдок бил её по лицу, как кровь текла по подбородку, он видел это чёртово пятно даже на зернистом видео.

Он гнал по ночному Нордфельду, вылетел на трассу, вдавил педаль газа в пол.

— Ты не имеешь права вмешиваться, — сказал он вслух, но голос дрожал. — Протокол. Правила. Ты всё потеряешь. Он сжал руль так, что побелели костяшки.

— Мне плевать.

В ушах всё ещё стоял её крик.

Матео ван дер Берг не мог смотреть, как бьют женщин. Это было его личным правилом, задолго до «Ангелов», задолго до армии, задолго до всего. Он помнил, как в детстве сосед бил свою жену, а никто не вмешивался: ни полиция, ни социальные службы, ни сердобольные старушки на лавочке. Помнил, как она потом стояла у окна с разбитым лицом и всё равно готовила ему ужин.

И помнил, как поклялся себе: никогда не быть равнодушным.

Даже в военное время он придерживался этого. Когда его подразделение зачищало захваченный сепаратистами город, один из своих разгорячённый боем здоровяк замахнулся на пленную женщину. Матео врезал ему так, что тот отлетел к стене. Судьи потом оправдали его «в условиях боевых действий действия признаны необходимыми», но внутри он знал: не поэтому, просто не мог смотреть.

И сейчас не мог.

— Она не твоя женщина, — повторял он, выжимая под сотню на городской трассе. — Она объект. Она просто объект.

Но в голове голос Скай перекрывал всё: её шёпот маме,

её улыбку перед зеркалом, её слова «я в порядке», когда она не была в порядке никогда.

— Ответственность, — выдохнул он, влетая в Аствик. — Я чувствую ответственность.

Он не знал, зачем едет, не знал, что сделает, когда приедет, не знал, живая ли она вообще, но знал одно: он не может сидеть в наушниках и слушать, как её убивают.

Машина нырнула в тоннель. Свет фар выхватил из темноты дорожный знак: «Атлантик Тауэрс - 2 км».

Он сбросил скорость, только когда въехал в квартал высоток. Поставил машину у тёмного переулка напротив входа в пентхаус, отсюда было видно и шлагбаум, и охранника, и лифты, и замер. Наушники он не надел, не мог.

Он просто сидел в темноте, глядя на окна её квартиры, светящиеся тусклым жёлтым светом, тем самым, где несколько минут назад её избивали.

Через пять минут свет погас.

Матео не знал, что это значит - она умерла? Уснула? Ушла? Он сжал руль, готовый выскочить из машины, ворваться в подъезд, набить морду Винсенту, вытащить её оттуда, спрятать, увезти, спасти...

Ничего этого он не сделал.

Он сидел и смотрел на тёмные окна, сжимая и разжимая кулаки.

— Прости, — прошептал он в пустоту. — Прости, что я не вовремя, что я вообще появился, что я не могу...

Голос сорвался. Он уронил голову на руль и несколько минут просто дышал. Тяжело, прерывисто, как после боя.

22 сентября 2030 года, 22:31

Пентхаус «Атлантик Тауэрс», Аствик

Матео не помнил, как вылетел из машины.

Ноги несли сами, через тёмный двор, мимо удивлённого охранника (тот что-то крикнул вслед, но Матео даже не обернулся), в подъезд, в лифт. Кнопку верхнего этажа нажал дрожащим пальцем. Лифт ехал вечность, останавливался на каждом этаже, будто издевался.

— Давай, давай, — шипел Матео, глядя на табло. — Пожалуйста.

Двери открылись в тишину.

Коридор пентхауса тонул в полумраке, горел только один бра на стене, тускло-жёлтый. Ковёр под ногами был толстым, мягким, гасил звуки. Матео крался как тень, хотя кого здесь бояться? Охраны не было. Внизу, у входа, тоже никого.

Странно, очень странно.

Дверь в квартиру оказалась незапертой.

Матео на секунду замер, прислушался. Тишина. Только откуда-то из глубины - слабый, равномерный шум воды.

Он медленно толкнул дверь, та открылась без скрипа, дорогая фурнитура, не то, что в штабе. Гостиная тонула в сумраке, лишь ночник у дивана отбрасывал бледный круг на паркет.

Матео двинулся дальше, сердце колотилось где-то в горле. Он не знал, что найдёт, боялся представить.

Шум воды становился громче. Он проскользнул в спальню, затаив дыхание и увидел Винсента. Тот лежал ничком, раскинув руки, как морская звезда. Рубашка задралась, открывая бледную спину с татуировкой, какой-то хищный зверь, расправленные крылья. Бутылка валялась в полуметре, растёкшаяся лужица виски впиталась в ковёр.

Матео замер, прислушиваясь к дыханию мафиозника. Ровное, тяжёлое, с присвистом - пьяный сон. Он наклонился, нащупал пульс на шее - есть. *Ублюдок жив.*

— Сволочь, — прошептал Матео, с трудом удержавшись от искушения сжать пальцы сильнее.

Он выпрямился и оглядел комнату. Кровь на простынях, на полу, на стене у кровати несколько тёмных брызг. Матео стиснул зубы. В углу тумбочки он заметил едва заметную щель, тот самый потайной сейф. Он присел, попробовал надавить, не открывался. *Код. Конечно, код. Чёрт.*

— Потом, — прошептал он себе.

Ванная.

Шум воды доносился оттуда. Матео выпрямился и медленно, стараясь не шуметь, направился к приоткрытой двери. Половицы под ногами не скрипели - везло... или нет, вряд ли это можно было назвать везением.

Он нагнулся и заглянул в щель.

Ванная залита мягким светом, горит вся подсветка, ярко,

почти стерильно. Вода льётся из крана, наполняя большую чугунную ванну, пар поднимается к потолку, и у самого бортика, на холодном кафеле, свернувшись калачиком, лежала Скай без сознания.

Матео распахнул дверь и влетел внутрь.

Он опустился на колени рядом с ней, не чувствуя, как острые края плитки впиваются в колени. Она лежала в позе эмбриона: поджатые ноги, руки скрещены на груди, лицо скрыто за спутанными светлыми волосами. Футболка разорвана у ворота, джинсы в пятнах крови. Он протянул руку, задержал дыхание и осторожно коснулся её волос, убирая их с лица.

Губа разбита, на скуле отёк, начинающий синеву, бровь рассечена, глаза закрыты.

— Пожалуйста, — прошептал он, нащупывая пальцами шею, ища пульс. — Пожалуйста...

Под подушечками пальцев он чувствует слабый, но ровный толчок. *Жива.*

Матео выдохнул так, будто не дышал целую минуту.

Он подскочил к двери ванной, запер её на защёлку, дурацкая защёлка, которая не выдержит и удара, но хоть какая-то защита на случай, если Винсент проснётся, после чего сразу вернулся к Скай.

Она не шевелилась. Дыхание было поверхностным, но ровным. Он аккуратно, боясь причинить ещё больше боли, переложил её на спину, подложив под голову свернутое полотенце. Теперь он видел всё: синяки на руках (следы паль-

цев), садины на локтях, кровь на губе, которая уже начала запекаться.

Ярость поднялась в нём тёмной, горячей волной.

«Свернуть ему шею. Прямо сейчас. Пока он спит. Никто не узнает».

Он сжал кулаки так, что ногти впились в ладони до боли.

Тихий стон отвлёк его.

Скай чуть повернула голову, сморщилась, даже не открывшая глаз, видимо, движение отозвалось болью в разбитой губе. Матео замер, боясь спугнуть её своим присутствием, но она не просыпалась. Только вздохнула глубже и снова затихла.

Он посмотрел на её лицо - бледное, измученное, с синяками, которые только начинали расцветать и принял решение.

В таком состоянии она вряд ли запомнит его. Скорее всего, даже подумает, что это сон - истерзанный мозг подсунул картинку спасителя, которого не существует.

Он наклонился к ней, почти касаясь губами уха, и прошептал тихо, мягко, как не говорил ни с кем за последние два года:

— Не бойся, ты в безопасности.

Она сделала глубокий вдох, судорожный, как утопающий, который нащупал дно, и снова отключилась. Лицо чуть расслабилось.

Матео выпрямился.

Вода в ванне почти наполнилась, подбираясь к краям. Он

перекрыл кран, шум стих, и в наступившей тишине стало слышно её дыхание. Тиканье часов где-то в спальне и далёкий храп Винсента.

Он взял чистое полотенце из стопки на полке, намочил его тёплой водой и осторожно, едва касаясь, протёр ссадины на её лице. Кровь смывалась легко, значит, раны неглубокие, больше синяки. Губу он не тронул, побоялся причинить боль, лишь промокнул края.

Дышала она ровно.

Матео нашёл аптечку - белый пластиковый бокс под раковиной, с надписью «Первая помощь» на верийском. Он открыл её и замер.

Аптечка оказалась слишком полной. Не дежурный набор из бинта и зелёнки, который лежит в каждом доме. Здесь было всё: специальные пластыри для глубоких ран, гемостатические салфетки, заживляющие мази, обезболивающее в разных формах (таблетки, гель, спрей), даже маленькие медицинские скобы для ушивания.

Подобранная, продуманная, опытная.

Матео сжал край раковины так, что побелели костяшки. Эта аптечка подготовлена человеком, который привык лечить себя сам. Который знал, что раны будут снова и снова, который уже не надеялся на помощь извне.

— Сколько раз, — прошептал он, глядя на её бледное лицо. — Сколько раз ты так лежала на этом полу?

Ярость вернулась - холодная, тягучая, опасная. Он пред-

ставил, как заходит в спальню, берёт ту самую бутылку и несколькими точными ударами отправляет Винсента туда, откуда не возвращаются. Он мог. Его учили. Он знал, как сделать так, чтобы никто не нашёл следов.

Но Скай снова застонала - тихо, жалобно, и ярость отступила. Сейчас не время. Сейчас нужно уйти незамеченным, чтобы завтра вернуться в штаб и продолжить, чтобы однажды, когда придёт время, прижать Винсента так, чтобы он больше никогда не поднял руку ни на неё, ни на кого-либо ещё.

Матео взял из аптечки обезболивающий гель, аккуратно нанёс на скулу, на запястья, на плечо, туда, где кожа уже синела. Скай вздрагивала во сне, но не просыпалась.

— Всё хорошо, — шептал он, не понимая, кому, ей или себе. — Всё хорошо. Ты справишься. Ты сильная.

Закончив, он закрыл аптечку, поставил полотенце в стирку (следы крови не должны остаться), проверил нет ли его отпечатков. Потом ещё раз посмотрел на неё: она лежала всё так же на спине, но теперь одна рука вытянута в его сторону, как будто искала кого-то во сне.

Матео поднялся, отпер дверь ванной, выглянул в спальню. Винсент не шевелился, всё так же лежит лицом в пол, посапывая.

Он вышел в коридор, бесшумно притворил за собой дверь, спустился по лестнице (лифт слишком рискованно, камеры), прошёл через пустой холл, мимо охранника, кото-

рый теперь смотрел в телефон и не поднял головы.

И только когда захлопнулась дверь машины, он позволил себе закрыть глаза и уронить голову на руль.

Его трясло.

От ярости, от страха, от нежности, которую он не имел права чувствовать.

— Что ты со мной делаешь? — прошептал он, зная, что она не услышит.

В кармане завибрировал служебный телефон, Джефферсон интересовался, где он и почему не зарегистрировался. Матео сбросил вызов.

He сейчас.

Сейчас он просто сидел в темноте, сжимая в пальцах руль, и ждал, когда перестанут дрожать руки.

ГЛАВА 7

23 сентября 2030 года, 08:15

*Штаб-квартира «Ангелов-хранителей»,
сектор 7, уровень доступа «Омега»*

Матео вошёл в здание с опущенной головой и надеждой, что утренняя смена слишком уставшая, чтобы замечать детали.

Он ошибся.

Пропускная система пискнула зелёным, но Сара - дежурный администратор, женщина лет сорока с цепким взглядом

бывшего полевого агента, подняла бровь.

— Ван дер Берг, — сказала она негромко, когда он протягивал удостоверение. — У тебя глаза краснее, чем у меня после трёх суточных. И куртка... ты в ней спал?

— Бессонница, — ответил Матео, стараясь говорить ровно. — Отсыпной не в счёт, организм уже забыл, как это.

— Ага. — Сара не повела и бровью. — Иди, Джефферсон тебя ждёт. Сказал, что ты не отвечал на звонки.

— Батарея села.

Матео прошёл дальше, чувствуя её взгляд на затылке. В коридоре он на секунду задержался у зеркала, Сара была права. Синяки под глазами, щетина (он не брился вчера), грязная куртка, волосы спутаны. Он провёл рукой по лицу, как будто это могло стереть следы прошлой ночи, и пошёл дальше.

Капсула встретила его запахом затхлого воздуха и жужжанием вентиляции. Матео сел в кресло, не закрывая дверь, и включил мониторы. Пальцы сами набрали код доступа к делу объекта «Сирена».

И тут же в дверях вырос Джефферсон.

— Ван дер Берг, — начальник смены вошёл без стука, как всегда. Он был невысоким, коренастым, с лицом, которое одинаково плохо выражало и гнев, и радость. — Где ты был вчера вечером?

— Дома, — соврал Матео, не отрывая глаз от монитора. — У меня был отсыпной, вы сами знаете.

— Я знаю, что ты не отвечал на служебные сообщения.

— Батарея...

— Села, я слышал. — Джефферсон закрыл дверь капсулы и сел на единственный свободный стул. — Сара уже доложила, но дело не в этом. У меня информация по твоему объекту.

Матео наконец повернулся к нему, сердце рухнуло вниз.

— Что случилось?

— Ночью объект «Сирена» был покалечен. — Джефферсон произнёс это так же буднично, как если бы сообщил о дожде на улице. — Причина неизвестна, источник информации - параллельное наблюдение.

Матео сделал паузу, слишком длинную и слишком напряжённую.

— Откуда, — спросил он медленно, — у вас информация, если только я имею доступ к её делу?

Джефферсон посмотрел на него с тем холодным любопытством, которое Матео научился ненавидеть за два года.

— Не только ты, ван дер Берг. Неделю назад мы снова поставили «ангела» на самого Галло. Объект код «Грифон». — Он выдержал паузу. — Это стандартная процедура, когда объект первого уровня начинает представлять повышенную угрозу. Ты должен был получить уведомление.

Матео замер. Он должен был предусмотреть. Чёрт возьми, он должен был догадаться! Если за Винсентом снова следят, значит, «ангелы» видели всё, как он приехал к пентхау-

су, как зашёл внутрь, как вышел через час... или не видели? Если агент «Грифона» отключился после того, как Винсент уснул...

— Я не видел уведомления, — сказал Матео, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — В прошлой рассылке был сбой, я думал, это вирус.

Джефферсон кивнул, но глаза его остались холодными.

— Агент «Грифона» фиксировал активность до часа ночи. После того как Галло отключился, предположительно, в состоянии сильного алкогольного опьянения, наблюдение было приостановлено до утра. Сегодня возобновится.

Матео выдохнул украдкой, чтобы Джефферсон не заметил. Значит, его не видели. Ни как он заходил, ни как оказывал помощь. Слежка «Грифона» прекратилась до того, как Матео появился у пентхауса. Ещё секунда и он бы попал в луч чужого объектива, ещё минута и его бы засекали.

Он чуть не попал в ловушку, собственную ловушку.

— Понял, — сказал он. — «Грифон» будет наблюдать за Галло. Я за «Сиреной». Пересекаться не должны.

— Именно. — Джефферсон встал. — И ещё, ван дер Берг. У нас отчётность по времени работы. Вчера ты отсутствовал в штабе дольше положенного. Если это повторится, я буду вынужден доложить вышестоящему руководству.

— Не повторится, — ответил Матео, глядя прямо ему в глаза.

Джефферсон кивнул и вышел.

Дверь закрылась, Матео остался один.

Он сидел неподвижно ровно минуту, переваривая информацию. За Винсентом следят. Его могут увидеть в любой момент, и если вчера ему повезло - слезка прекратилась раньше, чем он появился, то в следующий раз удачи может не быть.

— Идиот, — прошептал он себе под нос. — Беспечный, эмоциональный идиот.

Он открыл на мониторе основное окно объекта «Сирена». Камер в квартире не было, только прослушка через телефон, а телефон сейчас лежал в спальне. Матео включил аудио.

Сначала ничего, тишина, потом шорох простыней, тихий стон, и голос Скай:

— Ой, больно...

Она проснулась.

Матео вцепился в подлокотники, слушая, как она медленно, осторожно двигается по комнате. Шаги неуверенные, иногда прерываются, останавливается, переводит дыхание. Он слышал, как она подошла к зеркалу (звук шагов изменился с ковра на плитку в ванной), как ахнула коротко, приглушённо, увидев своё отражение.

— Ничего, — сказала она себе через несколько секунд. Голос был хриплым, но ровным. — Ничего, заживёт, бывало и хуже.

Матео закрыл глаза. Значит, хуже, бывало, значит, он был прав.

Он открыл протокол и начал печатать отстранённо, сухо, как учили:

Объект «Сирена»: следы физического воздействия, предположительно со стороны Галло В. Объект в сознании, двигательная активность снижена, вербальные признаки посттравматического синдрома отсутствуют. Наблюдение продолжается.

Но под этой записью, там, где никто, кроме него, не увидит, он мысленно приписал:

Наблюдатель отмечает: объект демонстрирует патологическую устойчивость к насилию. Требуется немедленного изъятия из зоны поражения. Настоятельная рекомендация - экстренное вмешательство.

Он не отправит это, не сегодня, не завтра, потому что знает: никакого вмешательства не будет. Есть только протоколы и приказы, которые санкционируют арест Винсента только через три месяца, если наберётся достаточно доказательств.

Три месяца.

Скай может не протянуть три месяца.

Матео сжал зубы и вернулся к работе, в наушниках она сейчас открывала аптечку, ту самую и шуршала упаковками. Он слышал, как она подавляет вскрики, обрабатывая раны. Как шепчет самой себе: «*Выше голову, выше, выше*». Как набирает ванну, снова горячую, с пеной.

И когда через десять минут из динамиков зазвучала Queen, «Don't Stop Me Now», Матео не выдержал. Снял на-

ушники, положил на стол и просто смотрел на пульсирующую зелёную линию её пульса.

Она пела с разбитой губой, с синяками, с болью в каждом движении, она пела.

И он понял, что не сможет оставаться в стороне, не сможет просто слушать, не сможет делать вид, что ничего не происходит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.